

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания шестой.

7

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

К ВОПРОСУ О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЯХ МЕЖДУ
РОССИЕЙ И БУХАРОЙ ЧЕРЕЗ ОРЕНБУРГ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Как известно, еще в XVI—XVII вв. между Русским государством и среднеазиатскими ханствами установились довольно регулярные торговые и дипломатические связи, причем наиболее развитыми были русско-бухарские отношения. Это объяснялось, очевидно, прежде всего тем, что в торговле между Востоком и Западом Бухара занимала центральное место и туда стекались купцы из Индии, Ирана, Китая и других стран.

Официальный обмен посольствами между Русским государством и Бухарским ханством начался еще в середине XVI в.; первыми бухарскими послами, прибывшими в Москву в 1558 г., были Азам-Ази и Ших¹. Со второй половины XVII в. взаимный обмен посольствами становится все более интенсивным. Во время переговоров бухарская сторона чаще всего возбуждала вопрос о предоставлении бухарским купцам права на беспешинную торговлю, причем не только в пограничных, но и в других городах России, в том числе в Москве. Русское же правительство настаивало на освобождении русских пленных в Бухаре за выкуп или в обмен на мусульман, задержанных в России.

Иногда для получения данных о русских пленниках, а также об экономическом положении Бухары и сопредельных стран в Бухарское ханство посылались специальные русские посольства. И хотя Русское государство старалось не давать никаких поводов для подозрительности и недоверия, в Бухаре к русским посольствам обычно относились с опаской, стремясь выведать их «особые» цели.

Учитывая это обстоятельство, русское правительство старалось посылать в Бухару большей частью не официальные дипломатические посольства, а купеческие караваны, куда входили (обычно под видом торговцев) русские чиновники с особыми заданиями разведывательного характера. Вот почему в период со второй половины XVI до начала XVIII в. из Бухары в Россию было направлено втрое больше официальных посольств, чем из России в Бухару.

Перед русскими посольствами ставилась в основном задача внимательного изучения среднеазиатского рынка и возможностей сбыта там русских товаров. Позднее Бухара привлекает внимание России своим хлопком и шелком-сырцом.

Занятое в то время упорной борьбой с Польшей (за воссоединение с украинскими и белорусскими землями) и Швецией (за Прибалтику) русское правительство не имело тогда никаких агрессивных планов в отношении среднеазиатских ханств и стремилось поддерживать с ними дружеские отношения.

Бухарские посольства прибывали в Россию почти через равномерные, довольно короткие промежутки времени. Значительный перерыв в этих связях приходится на так называемое «смутное время» (1600—1613 гг.), а затем вновь возобновились деятельные сношения между Москвой и Бухарой. Всего с 1558 по 1705 г. в Москву из Бухары было направлено 24 посольства, а из Москвы в Бухару — 7².

Несколько иной характер приобретают отношения между Россией и среднеазиатскими ханствами в период царствования Петра I, когда рост производительных сил России и интересы нарождавшейся торговой буржуазии вызвали активизацию внешней политики России на Востоке. Некоторое влияние на планы глубокого проникновения на Восток оказали полученные русским правительством сведения о богатствах Средней Азии, особенно о «песочном золоте» Иркетги (Яркенд).

Но для проникновения в Среднюю Азию надо было прежде всего укрепить свои позиции в казахских степях. С этой целью Петр I, как известно, снарядил в 1714—1715 гг. две экспедиции: одну через Сибирь (под начальством И. Д. Бухгольца), а другую (во главе с А. Бековичем-Черкасским) — на восточное побережье Каспийского моря для отыскания древнего устья Аму-Дарьи, по которому предполагалось проникнуть в глубь Азии.

Обе экспедиции, как мы знаем, не достигли намеченной цели. Первая из них была разгромлена калмыками на Иртыше, а вторая — в Хиве. Но несмотря на неудачу обеих экспедиций, как и посольства Ф. Бевенени в Бухару (1721—1725 гг.), Россия упорно продолжала стремиться на Восток. В результате ряда мероприятий, предпринятых Петром I, Россия утверждает свое господство на побережье Каспийского моря, а в глубине казахских степей, на берегах Иртыша, были построены русские крепости — Омск, Семипалатинск, Усть-Каме-ногорск; возникает Сибирская укрепленная линия.

В планы продвижения России на Восток входило также более тщательное изучение Средней Азии и расширение торговых и дипломатических отношений с Бухарой и другими ханствами.

¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (МИУТТ), вып. 3, ч. 1, Л., 1932, стр. 404 (имена послов в документах явно искажены).

² МИУТТ, стр. 400—411.

Однако дальнейшее развитие этих связей затруднялось отдаленностью центра России (Москвы, Петербурга) от среднеазиатских владений. Надо было создать поблизости от их границ такой пункт, где можно было бы сосредоточить непосредственное руководство всеми вопросами развития торговли и дипломатических сношений с Бухарой и другими ханствами.

Важным моментом в осуществлении этих планов явилось строительство в 30-х годах XVIII в. Оренбурга и создание линии по всему Уралу, что сразу же активизировало сношения России с Бухарой, которые развивались теперь главным образом через Оренбург. Оренбургские генерал-губернаторы были наделены большими полномочиями и, в частности, получили право решать на месте все вопросы сношений со среднеазиатскими ханствами, в том числе вопрос о допуске их посольств к «высочайшему» двору.

Такое предварительное ознакомление с целями посольств было тем более необходимо, что в ходе переговоров наряду с проблемами торговых отношений затрагивались уже и вопросы политического характера.

В 1796 г. в Оренбург прибыло с грамотой от бухарского эмира посольство братьев Байкшиевых, доставивших русской царице среди прочих подарков «дарственного» слона. Основная цель посольства нам не известна, однако П. Е. Матвиевский считает, что оно должно было передать Екатерине II ту же просьбу, которая излагалась в письме, привезенном посольством Максума Даниялова в 1796 г., т. е. просьбу послать в распоряжение Бухары 10 тыс. русских солдат с 50 пушками³.

Но и посольство Байкшиевых, как и М. Даниялова, не было допущено в Петербург и вернулось в Бухару.

После восшествия на престол Александра I эмир Хайдар (1800—1826) вновь отправил в Россию Ишмухамеда Байкшиева с поздравлениями новому императору и повторил просьбу о вооруженной помощи для борьбы против кочевников и похода на Хиву. Это посольство было принято, и в ответной грамоте император, констатируя желательность обоюдной дружбы, поздравил эмира со вступлением на трон. Однако вопрос о вооруженной помощи Бухаре и на этот раз остался без ответа⁴, возможно, потому, что русское правительство еще не считало нужным открыто вмешиваться во внутренние дела Бухарского ханства. С его точки зрения, гораздо важнее было добить-

ся создания в Бухаре специальной «торговой конторы» — фактически торгового консульства для защиты интересов русского купечества. Под давлением крутов, связанных со среднеазиатской торговлей, в 1780 г. из Оренбурга в Бухару было направлено специальное посольство «с поручениями для государственной и общей пользы, а паче к установлению коммерческой конторы»⁵.

В качестве российского посланника в Бухару поехал переводчик Меандияр Бекчурин, в задачи которого входило также детальное описание пути от Оренбурга до Бухары и выяснение обстановки в «гамошних» областях⁶. Это поручение он выполнил, составив подробную докладную записку на имя оренбургского генерал-губернатора⁷; что же касается создания коммерческой конторы в Бухаре, то он «ни малейшего согласия в том от хана получить не смог»⁸. Посольство Бекчурина было единственной миссией, отправленной русским правительством в Бухару через Оренбург в конце XVIII в.

С начала XIX в. сношения России с Бухарой становятся более частыми. В это время в Бухару через Оренбург направляются специальные лица с научными и дипломатическими целями. Но не всем удалось выполнить полученное задание, главным образом потому, что русские караваны подвергались грабежам со стороны султанов кочевых племен, все меньше подчинявшихся власти хана соседней с Оренбургом Букеевской орды, заключившего с Россией соглашение об обеспечении безопасности следования купеческих караванов⁹.

Так, в 1803 г. было разграблено следовавшее в Бухару с торговым караваном посольство поручика Я. Гавердовского, который должен был потребовать от эмира выдачи русским властям бежавшего из Оренбурга (примерно в 90-х годах XVIII в.) татарина Хамита Валитова, учредившего в Бухаре, по сведениям русского правительства, фабрику фальшивых ассигнаций (как говорили, даже под покровительством бухарских властей). Сообщники Валитова провозили фальшивые ассигнации в Россию, где выменивали их на золото и вывозили его в Бухару. Я. Гавердовскому было поручено также записывать все виденное им в Бухаре и на пути туда¹⁰.

Караван, с которым следовал Гавердовский, вез на 300 верблюдах товаров на сумму 296 943 руб., а также на 230 628 руб.

⁵ Оренбургский облгосархив, ф. 166, оп. 1, д. 6, л. 56.

⁶ Там же, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 17, 18.

⁷ Там же, д. 494, л. 110—113.

⁸ Там же, д. 1654, л. 17, 18.

⁹ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 34, 41, 43.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. военного учебного архива, оп. 483, д. 4, л. 13.

³ П. Е. Матвиевский, Россия и среднеазиатские народы в годы войн с Наполеоном, «Ученые записки Чкаловского госпединститута», вып. 8, 1956, стр. 107.

⁴ «Русская старина», 1894, № 12, стр. 235—236.

червонцев, принадлежавших богатым русским и казанским купцам¹¹. В 880 верстах от русской границы караван был остановлен коцевниками Чиклинского рода¹², ограбившими купцов и посольство на сумму свыше 271 тыс. руб.; при этом было ранено 5 человек из команды¹³. Не достигнув намеченной цели, экспедиция 27 сентября 1803 г. вернулась в Оренбург.

Незадолго до этого, 6 июля 1803 г. из Бухары в Оренбург прибыло посольство во главе с Мирэдзином Мирмухамед Аминовым, в свите которого состояло 26 человек¹⁴. 24 августа посольство направилось в Петербург для переговоров с русским императором. На содержание и отправление этого посольства Оренбургская пограничная комиссия израсходовала 477 руб.¹⁵, которые взыскала затем с Министерства иностранных дел. Кроме обычных пожеланий и просьб, Аминов добивался через вице-канцлера Адама Чарторийского разрешения себе и своим чиновникам взять с собой в Бухару «жен их из татар, на которых они женились в Астрахани». По просьбе Аминова был разрешен также выезд из России купцу Мурзе Юсупову с женой, проживавшим в пригороде Оренбурга — Сеитовской слободы¹⁶.

В апреле 1805 г. в Оренбург прибыло посольство, возглавляемое бухарским купцом Мурзабеком Аллаяровым. Аллаяров настойчиво добивался непосредственного представления его русскому императору, утверждая, что он уполномочен эмиром вести переговоры о выдаче русским властям фальшивомонетчика Х. Валитова. Однако он не был допущен к «высочайшему» двору, ибо не имел при себе верительных грамот и не мог доказать необходимость своего посольства.

В 1805 г. в Оренбурге появился новый посланник Бухары — Гафурджан Наврузжанов, прибывший с грамотой эмира и подарками русскому царю. Оренбургское начальство пыталось узнать содержание грамоты, но Наврузжанов отказался предъявить ее, заявляя, что он уполномочен вести переговоры лично с императором. Оренбургскому генерал-губернатору Г. С. Волконскому пришлось запросить на этот счет точные инструкции у Правительствующего Сената. 7 сентября 1805 г. поступил ответ, подписанный А. Чарторийским. Полагая, как и оренбургское начальство, что указанные посланники, возможно, являются купцами, пытающимися проникнуть в центр России и продать там свои товары, Сенат

предложил Волконскому, не допуская послов в столицу, выяснить все на месте¹⁷.

Александр I также отказался принимать послов до тех пор, пока эмир не выдаст Х. Валитова и не будет снабжать своих посланников письмами, удостоверяющими, что они действительно являются бухарскими послами, а также верительными грамотами, составленными по всем правилам дипломатической переписки¹⁸.

Одновременно в Бухару со специальным торговым караваном был отправлен нарочный Хабибулла Абдулов с письмами, составленными Волконским и подтверждавшими полномочия Х. Абдулова на переговоры с эмиром по вопросу о выдаче русским властям фальшивомонетчика Валитова и обещаниями за это богатых подарков¹⁹. Кроме того, Абдулову было поручено секретно разведать о связях Бухары с Хивой и Персией, а также об отношении эмира к европейским державам. Посол должен был обещать беглым российским поданным, находящимся в Бухаре, «государеву милость», если они добровольно возвратятся в Россию²⁰.

Х. Абдулов прибыл в Бухару в феврале 1805 г., но его переговоры с эмиром Хайдаром не увенчались успехом. Эмир отказался выдать преступника Валитова, пообещав лишь отправить в Россию инструменты, с помощью которых изготовлялись фальшивые деньги, да и то за богатые подарки.

В связи с этим пришлось вновь послать в Бухару заготовленные в Оренбурге письма на имя эмира, которые были доставлены Ахмедом Мунасыповым и Абдунасыром Рахматуллиним²¹. Однако Хайдар отказался принять их, поручив передать Волконскому, что «с древних времен ведется, что государь пишет государю, а визирь — визирю»²².

После этого русское правительство прекратило переписку по вопросу о фальшивомонетчике Х. Валитове и дало указание оренбургскому генерал-губернатору об усилении постов на пограничной линии, чтобы не допустить проникновения на территорию России фальшивых ассигнаций. Находящиеся в Оренбурге бухарские послы М. Аллаяров и Г. Наврузжанов так и не были допущены к «высочайшему» двору и вернулись на родину.

Не было допущено в Петербург и прибывшее в 1809 г. в Оренбург посольство во главе с купцом Узбекходжаевым, а привезенная им грамота эмира с выражением пожеланий жить с Российским государ-

¹¹ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 34, л. 39, 42, 45, 47.

¹² Там же, д. 24а, л. 38.

¹³ Там же, л. 32.

¹⁴ Там же, д. 26, л. 1—9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 92, л. 122—124.

¹⁸ Там же, л. 125—126.

¹⁹ Там же, л. 139.

²⁰ Там же, л. 147—148.

²¹ Там же, л. 186, 187, 189, 193, 194.

²² Там же, л. 247.

ством в дружбе была отправлена царю с нарочным. Посол пробыл в Оренбурге два года и, получив ответную грамоту и подарки для хана и его приближенных, вернулся в Бухару.

Несмотря на частые разграбления русских караванов в казахских степях, правительство России не отказалось от тщательного и систематического ознакомления с Бухарским ханством и продолжало направлять туда свои посольства.

В 1809 г. с секретным заданием в Бухару был послан поручик Абдунасыр Субханкулов, имевший при себе грамоту русского правительства, и составленные Г. С. Волконским два письма с просьбой о выдаче преступника Валитова. Этот вопрос был вновь поднят для того, чтобы прикрыть основную цель посольства, состоявшую (в соответствии с тайным предписанием, выданным Г. С. Волконским 14 октября 1809 г., за № 1446) в сборе необходимых сведений в Бухаре и на пути к ней²³.

Хан принял русского посланника дружелюбно, но заявил, что выдаст Валитова лишь в том случае, если царь по «древним обрядам» пришлет послов с богатыми дарами, и с условием, «чтобы оной (Валитов) казнен был в самом городе Бухарии»²⁴. А. Субханкулов тем временем сумел выполнить основное задание — собрать необходимые сведения о Бухаре и пути туда — и, вернувшись в Оренбург, представил об этом подробную записку генерал-губернатору.

Бухарские послы также продолжали прибывать в Россию. Так, в марте 1815 г. в Оренбург приехали Азимджан Муминджанов и Юсуф Рязанбаев с грамотами, в которых эмир поздравлял царя с благополучным окончанием войны против Наполеона и просил разрешить Ю. Рязанбаеву отправиться ко двору турецкого султана²⁵.

Послы были приняты министром иностранных дел, графом К. В. Нессельроде, ибо царь тогда отсутствовал в столице²⁶. В грамотах, представленных К. В. Нессельроде, эмир просил разрешить бухарским караванам пользоваться пастбищами по берегу р. Урал, принять меры к предотвращению грабежей в казахских степях и освободить бухарских купцов, проживающих в Оренбурге, от военного постоя. Русское правительство, удовлетворив все просьбы, отказалось освободить бухарцев от постоя, поскольку это была «общая и равная для всех обывателей, имеющих собственные дома, повинность»²⁷.

В 1818 г. Муминджанов вторично был послан в Россию с целью укрепления

дружественных связей и дальнейшего развития торговли. Кроме того, эмир просил восстановить, вместо вновь утвержденного, ранее существовавший торговый тариф и разрешить бухарским купцам торговать не только в Оренбурге, но и в других городах России²⁸.

Рассмотрение этих вопросов было передано Министерству финансов, которое сообщило, что новый тариф будет отменен лишь после того, как специальный чиновник, направленный в Бухару, выяснит, «какое имеет новый тариф влияние на благосостояние торговли»²⁹. К разрешению же бухарским купцам торговать в других городах России Министерство отнеслось отрицательно, указав, что «тогда подается основательный повод и другим соседним народам домогаться подобных исключений и тогда от разрушения общего правила все выгоды от торговли будут в пользу иностранцев, а тягости останутся делом российского купечества»³⁰.

В 1820 г. правительство Александра I в ответ на неоднократные посещения Петербурга бухарскими послами снарядило в Бухару миссию, возглавленную Александром Негри. Цель ее, как указывалось в подробной инструкции, составленной 19 июля 1820 г. К. В. Нессельроде, заключалась в содействии дальнейшему развитию русской торговли со Средней Азией путем тщательного изучения местных условий и соответствующих переговоров с эмиром. Было намечено также исследовать казахские степи для выяснения возможности безопасного движения караванов путем заключения договора с ханом об экскортировании караванов войсками или дипломатического воздействия на казахов и хивинцев³¹.

Кроме того, в соответствии с инструкцией, составленной 18 сентября 1820 г. оренбургским генерал-губернатором П. К. Эссеном, А. Негри поручалось сделать все возможное для выкупа в Бухаре русских пленников, для чего ему было передано 12 000 руб. в червонцах из специальных сумм Пограничной комиссии³². А. Негри находился в Бухаре с 18 декабря 1820 г. по 23 марта 1821 г. Из насчитывавшихся там около 600 русских пленников ему удалось привезти в Оренбург всего 19 человек³³.

Сопровождавшему экспедицию в качестве путешественника главному медицинскому чиновнику оружейной фабрики при Златоу-

²³ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 141.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, д. 1252, л. 1.

²⁶ Там же, д. 1861, л. 226.

²⁷ Там же, д. 13, л. 19, 20.

²⁸ Там же, д. 1861, л. 258.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 262.

³¹ Н. Петухов, Из прошлого Оренбурга, «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXIII, Оренбург, 1911, стр. 18—19.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 17—18.

стовском заводе доктору Эверсманну было поручено собрать в Бухаре сведения разведывательного характера в соответствии с подробной инструкцией, составленной П. К. Эссеном в июне 1820 г. Доктор Эверсманн выполнил это поручение и представил в Оренбург важные сведения о Бухаре и соседних с нею областях³⁴.

Научные результаты миссии были изложены прикомандированным к ней Е. Мейендорфом в книге: «Путешествие из Оренбурга в Бухару», опубликованной в 1826 г. в Париже на французском языке.

После этого в русско-бухарских отношениях наступил длительный перерыв и только в 1833—1834 гг. оренбургское военное начальство признало необходимым направить в Бухару специального русского агента — переводчика П. И. Демезона, которому было дано ответственное задание разведывательного характера, успешно выполненное им. Это было последнее русское посольство перед тем, как неудачным зимним походом Перовского из Оренбурга на Хиву (1839 г.) царское правительство сделало первую попытку вооруженного проникновения в Среднюю Азию.

Итак, мы видим, что начавшийся еще в XVI в. взаимный обмен посольствами между Россией и Бухарским ханством

значительно усиливается в конце XVIII и особенно в начале XIX в. К этому времени изменяется характер содержания дипломатических переговоров. Если раньше они касались в основном торговых отношений, то в дальнейшем, по мере развития России по капиталистическому пути, эти переговоры касаются и вопросов политического характера. Вместе с тем усиливается интерес России к всестороннему изучению Средней Азии и возможностей превращения ее в рынок сбыта товаров и источник сырья (хлопка и шелка-сырца) для развивающейся текстильной промышленности России.

В развитии торговых и политических связей между Россией и Средней Азией значительную роль сыграл г. Оренбург, превратившийся в важный центр дипломатических сношений и всестороннего изучения экономической и социально-политической жизни народов Средней Азии.

Издавна развивавшиеся экономические и политические связи Русского государства со среднеазиатскими ханствами послужили объективной предпосылкой присоединения Средней Азии к России, имевшего огромное исторически прогрессивное значение для всех среднеазиатских народов.

Г. А. Михалева

³⁴ А. Васильев, Путешествие доктора Эверсманна в Бухару, «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XIV, Оренбург, 1905, стр. 200—211.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1977

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Шу йили марказий Россияда эса ҳар бир ишчи учун шу турдаги харажатларга 13 сўм 70 тийин маблағ сарфланган эди⁶⁹.

Туркистон пролетариати бу оғир аҳволдан қутилишнинг ягона йўли рус ишчилар синфи билан биродарона яқинлашув ва уларнинг биргаликда умумий душман — чоризмга қарши қатъиятли кураши эканлигини англай бошладилар. Чиндан ҳам инсоният тарихида янги давр очган Улуг Октябрь социалистик революциясининг галабаси туфайлигина ишчилар синфи жамиятнинг ҳақиқий эгаларига айландилар.

А. Деҳқонов

⁶⁹ В. В. Заорская и К. А. Александер. Уша асар, 59-бет.

О РОЛИ ОРЕНБУРГА В РАЗВИТИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА)

История торговых отношений России со среднеазиатскими ханствами уходит, как известно, в далекое прошлое. Как видно из имеющихся в нашем распоряжении источников, с середины XVIII в. в этих отношениях все более активную роль играл г. Оренбург.

Для привлечения купцов к оренбургской торговле городу были даны большие привилегии, а указом от 2 июня 1754 г. сенат определил: «Торг в Оренбурге признавать ярмаркой и дозволить русским и азиатским купцам продавать и покупать товары оптом и в розницу с платежом пошлины по тарифу»¹.

С этой целью была учреждена Оренбургская пограничная таможня и построен для зимней торговли Гостиный двор, а для летней — Меновой двор. В первое время среднеазиатские купцы прибывали в Оренбург лишь небольшими партиями; меновая торговля была еще незначительной, причем русские купцы почти не ездили в Оренбург, ибо проезд туда был связан с большими трудностями.

Первую попытку отправить торговый караван из Оренбурга предпринял правитель Оренбургского края В. Н. Татищев. В 1738 г. он снарядил караван с русскими товарами на сумму 20 тыс. руб.² и отправил его в Ташкент под начальством поручика Миллера. Но уже в двух днях пути от Оренбурга караван был разграблен ковчниками.

Однако русское правительство настаивало на посылке в Среднюю Азию новых торговых караванов. В 1739 г. в Ташкент было снаряжено еще два каравана, но и они были разграблены в казахских степях близ Оренбурга.

Учитывая создавшееся положение, И. И. Неплюев, назначенный в 1744 г. первым оренбургским военным губернатором, запретил отправку в Среднюю Азию русских караванов и принял меры для развития торговли в самом Оренбурге. О росте ее масштабов свидетельствуют следующие данные. Если в 1738 г. пошлинный сбор составил менее 547 руб., а за 1738—1748 гг. — всего 3872 руб.³, то в 1749 г. — 44 188,6 руб., а в 1751 г. — почти 85 124 руб. В дальнейшем отмечается некоторое уменьшение пошлинного сбора: в 1754 г. он был равен 50 302,6 руб.⁴

Помимо товаров, облагаемых пошлиной, азиатские купцы вывозили из Средней Азии много золота, серебра, драгоценных камней, с которых пошлины не взимались. В целом за 1738 г. было привезено в Оренбург товаров на 28 тыс. руб., в 1749 г. — на 900 тыс., в 1751 г. — на 1,7 млн. руб., а в целом за 1742—1754 гг. — почти на 8 млн. руб.⁵

Убедившись в высокой доходности торговли со среднеазиатскими купцами через Оренбург, И. И. Неплюев решил возобновить посылку торговых караванов в Среднюю Азию. К тому же стремились и наиболее предприимчивые русские купцы.

В 1753 г. из Оренбурга в Хиву под начальством переводчиков Чучалова и Гуляева был отправлен караван с товарами русских купцов на сумму 20 тыс. руб.⁶ Гуляев и Чучалов должны были передать хивинскому хану Каипу письма и подарки. В казахских степях к ним примкнули посланцы казахского Нурали-хана, так-

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. XIII, указ. № 9995 от 2 июня 1754 г.

² В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года, т. 3, Казань, 1897, стр. 675.

³ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, ч. I, Оренбург, 1762, стр. 321.

⁴ В. Н. Витевский. Указ. соч., т. 3, стр. III.

⁵ Там же, стр. 841.

⁶ Там же, стр. 809.

же направлявшиеся с письмами в Хиву. Каип с почетом принял посланцев Нурали-хана, а уполномоченных Неплюева заставил надолго задержаться в Хиве, поскольку ему внушили, якобы они прибыли «для примечания Хивы и пределов оной»⁷. Тем временем товары русских купцов были разграблены, а им самим едва удалось вернуться живыми в Оренбург.

Несмотря на все эти трудности, русское правительство и торгово-промышленные круги продолжали настойчивые попытки к развитию торговли со среднеазиатскими ханствами. Так, в 1785 г. из Оренбурга в Бухару было отправлено российских товаров на 168,3 тыс. руб., а в 1787 г. — на 248 тыс. руб.⁸ Это были платяя атласные, парча, бархат, платки шелковые, ситцы, сукна разных сортов, кожи, меха, сталь, медь, железо, корольки (кораллы), кошениль, писчая бумага и т. д.⁹

Товары в Бухару в основном вывозили «торговые татары», среди которых выделялись такие крупные купцы, как Муртаза Смайлов, Сулейман Назиров, Мухамет Юсупов, Асаф Иноземцев, Губай Мушин, Абдулла Утямишев, Муса Максютот и др. Они получали большие прибыли от этой торговли. Так, в 1808—1809 гг. казанские татары вывезли из Бухары одних только хлопчатобумажных тканей и каракуля почти на 800 тыс. руб.¹⁰

Немало товаров из Бухары вывозили среднеазиатские купцы, для которых проезд через казахские степи был менее опасным. Например, за 1787—1797 гг. бухарские купцы доставили из Средней Азии в Оренбург товаров на 4,1 млн. руб., а хивинские — на 461,5 тыс. руб. Из Оренбурга же в Среднюю Азию бухарские купцы вывезли за тот же период товаров на 3,6 млн. руб., а хивинские — на 413,1 тыс. руб.¹¹

Итак, торговый баланс складывался в пользу среднеазиатских купцов, особенно бухарских. Например, в 1794 г. на долю бухарцев приходилось 56,2%, ташкентцев — 27,5%, а хивинцев — 16,3% всего среднеазиатского ввоза¹². В начале XIX в. на таможенные пункты Сибирской и Оренбургской линий ежегодно приходило: из Ташкента и Коканда — 1000—2000, из Бухары — 3000—4000, а из Хивы — до 1000 навьюченных верблюдов¹³. Основными предметами бухарского ввоза были изделия из хлопчатобумажной ткани, хлопковая пряжа и весьма незначительное количество хлопка-сырца.

Крупный караван из Бухары в Оренбург прибыл, например, в 1811 г. На 1066 верблюдах было доставлено тогда товаров на 3,2 млн. руб.¹⁴

Торговля с Бухарой обрела особенно важное значение для России в период войн с Наполеоном. Когда временно прервались торговые отношения с Англией, что означало, по словам Ф. Энгельса, полное расстройство внешней торговли России¹⁵, Русско-среднеазиатская торговля через Оренбург в 1812—1814 гг. составляла по ввозу 3,3 млн. руб., а по вывозу — 12 млн. руб.¹⁶ В 1815—1819 гг. товарооборот по Оренбургской таможене характеризовался следующими данными (руб. сер.):¹⁷

год	ввоз	вывоз
1815	1 727 784	1 821 509
1816	2 570 732	1 936 790
1817	3 682 335	нет свед.
1818	2 537 081	1 689 001
1819	4 004 946	1 353 161

Торговые операции бухарских купцов в России развернулись настолько, что многие из них, как гласит один из источников (1815 г.), «из их посредственного состояния сделались большими капиталистами»¹⁸. Среди них выделялся купец Галибай Кушалов, в течение 20 лет торговавший с Россией. «В коммерческих оборотах, — по словам того же источника, — он имел капитал почти на миллион рублей». Г. Ку-

⁷ В. Н. Витевский. Указ. соч., стр. 810.

⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 5, оп. 1, д. 16, л. 121—125.

⁹ Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦИИАЛ), ф. 13, оп. 2, д. 11149, л. 2; ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 16, л. 121—125.

¹⁰ ЦИИАЛ, ф. 13, оп. 1, д. 376, л. 45.

¹¹ Архив Государственного совета, т. II, СПб., 1888, стр. 651—654.

¹² ЦИИАЛ, ф. 1146, оп. 1, д. 155, л. 40.

¹³ Там же, ф. 560, оп. 4, д. 2, л. 40 об. и 77 об.

¹⁴ ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 16, л. 131, № 33.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 29.

¹⁶ Н. Залесов. Посольство в Хиву подпоручика Данилевского в 1842 г., Военный сборник, 1866, № 5, стр. 64.

¹⁷ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 2291, т. 1, л. 233—256.

¹⁸ Там же, д. 1654, л. 9.

шалов состоял в первой гильдии московского купечества, имел два магазина с шальевыми и другими товарами в Троицке и большой магазин в Москве¹⁹.

Государственная казна также получала большие доходы от торговли с Бухарой и другими среднеазиатскими ханствами. Например, в 1819 г. из Бухары в Оренбург поступило около 12 тыс. пудов хлопковой пряжи, а пошлин от нее казна получила 41,6 тыс. руб.²⁰

Ввиду значительного роста русско-среднеазиатской торговли указом сената от 21 сентября 1824 г. Оренбургский таможенный округ был разделен на два округа — Оренбургский (от Гурьева городка до крепости Звериноголовской) и Сибирский округ (куда вошли Петропавловская, Семипалатинская и Бухтарминская таможи с заставами Сибирской линии)²¹.

К 1828 г. ввоз товаров из Средней Азии в Россию составлял 4,5 млн. руб., а вывоз — 3,8 млн. руб.²²

С расширением торговых оборотов росла и роль Оренбурга в развитии русско-среднеазиатских торговых связей.

Значительную роль сыграл Оренбург и в освоении русской текстильной промышленностью бухарского хлопка. С бухарскими купцами в Оренбурге заключались специальные контракты по поставке хлопка, который привозили в Оренбург, а затем через Москву переправляли на Александровскую мануфактуру. Только в 1809 г. бухарские купцы доставили в Оренбург 1527,5 пуда хлопка²³. Россия была заинтересована в увеличении поставок этого ценного сырья из Средней Азии, поскольку тем самым ослаблялась зависимость текстильной промышленности страны от ввоза хлопка с Запада.

Развитие торговли оказало влияние и на дипломатические связи России со среднеазиатскими ханствами, причем именно в Оренбурге снаряжались все посольства, направляющиеся, скажем, в Бухару, и принимались бухарские посольства²⁴. Основной задачей многих посольств было дальнейшее развитие торговых отношений.

Таким образом, Оренбург играл большую роль в развитии экономических и дипломатических связей между Россией и Средней Азией и вместе с тем служил важнейшим центром по организации и проведению тщательного изучения экономического и политического положения среднеазиатских ханств в период, предшествовавший присоединению их к России.

Г. А. Михалева

¹⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 11.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 19, оп. 3, д. 598, л. 1—2.

²¹ Там же, д. 121, л. 45—47.

²² ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3319, л. 190—191, 298—299.

²³ Там же, ф. 5, оп. 10, д. 2256, л. 270.

²⁴ Подробнее об этом см. нашу статью «Русско-бухарские дипломатические связи через Оренбург в конце XVIII — начале XIX в.», *Общественные науки в Узбекистане*, 1962, № 7, стр. 55—59.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

12

1980

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

За послевоенные годы в Узбекистане, как и по всей стране, создано много новых крупных объектов современной индустрии. На ряде новостроек оставлены памятные знаки. Установлены также памятные доски в честь подвигов трудовых коллективов в массовом соревновании за достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия образования СССР.

В каждой области, каждом городе есть немало сооружений, памятных мест, которые наиболее концентрированно выражают веки индустриального развития республики. Все это создано творческим трудом рабочего класса и заслуживает увековечивания, достойного отражения в соответствующих памятниках.

Это важно для более глубокого знакомства с историей Узбекистана, формирования чувств советского патриотизма и интернационализма, гордости рабочего человека, коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Всесторонний, комплексный учет памятников и памятных мест, связанных с трудовыми подвигами рабочего класса республики, позволит раскрыть их глубокую идейную сущность и историческую значимость и отразить их в формах, достойных всенародной памяти. Именно на это нацеливает нас положение проекта «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» о необходимости улучшить «охрану и пропаганду памятников истории и культуры».

Л. А. Зальцман

СЕИТОВСКИЙ ПОСАД ОРЕНБУРГА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ТОРГОВЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА)

В развитии экономических, политических и культурных связей России со Средней Азией большую роль сыграло основание в 40-х годах XVIII в. г. Оренбурга. Новый город, возникший на стыке Европы с Азией, стал не только форпостом русско-среднеазиатской торговли, но и важным опорным пунктом во всех взаимоотношениях народов России и среднеазиатских ханств.

Эти взаимосвязи значительно оживились в период, когда управление Оренбургским краем возглавил И. И. Неплюев (1742—1757 гг.). Он принял меры к завершению строительства намеченных ранее по Оренбургской линии укреплений, а в 1743 г. по его предложению Оренбург был перемещен на новое место (которое он занимает и поныне). И. И. Неплюев стремился привлечь среднеазиатских купцов для торговли в самом Оренбурге и заинтересовать российских купцов в развитии торговли непосредственно в городах Средней Азии. С этой целью основные льготы, предоставленные Оренбургу «Особой Привилегией», адресовались прежде всего купеческому сословию. Однако в первое время в Оренбург «таких охотников явилось самое малое число, да и то убогие, торги производят не в состоянии»¹.

Чтобы привлечь в Оренбург «торговых людей», И. И. Неплюев разослал также в Уфу, Самару и другие города приглашения для желающих поселиться в новом городе, где, согласно данной Оренбургу «Привилегии», разрешалось «селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышлять всем народам российским (кроме беглых), ...иностранным европейских государств иноземцам, ...каракалпакам и азиатских стран приезжим — грекам, армянам, индейцам, персам, бухарцам, хивинцам, ташкентцам, калмыкам и иным народам всякого звания и веры...» Предписывалось также приезжающим «выделять бесплатно места под дворы, кладовые, анбары, лавки и по возможности обеспечить лесом и каменными припасами; выделять из казны государственной ссуды сроком на 10 лет без взимания процентов».

По Указу от 7 июня 1734 г. в первые три года (1736—1739) пошлины в казну не взимались, а проводился сбор в городской доход по 2 коп. с каждого рубля от проданных в России импортных товаров. Постановлением от 11 февраля 1736 г. сенат разрешил продлить указанный срок еще на 6 лет, т. е. до 1742 г., а с 1742 г. пошлина с товаров взималась по пониженному тарифу — 3 коп. с рубля вместо 5 коп. Только с 1753 г. «пошлину велено было брать» согласно торговому уставу — по 5 коп. с рубля².

На приглашение оренбургского губернатора, в частности, откликнулись казанские татары, которые издавна вели торговлю с казаками и одними из первых начали торговлю в Оренбурге. Они согласились поселиться в Оренбурге, если их освободят от рекрутской повинности, разрешат строить мечети и свободно исповедовать

¹ Полное собрание законов (ПСЗ) Российской империи. Т. XII. СПб., 1744, № 8893.

² ПСЗ Российской империи. Т. IX. СПб., 1734, № 6571, 6576, 6584, 6890 и др.

³ «Оренбургские губернские ведомости», 1869, № 49.

свою религию. Заинтересованное в создании в Оренбурге прослойки богатого купечества русское правительство приняло предложения «торговых татар» и указом сената от 8 марта 1744 г. разрешило принять на поселение в Оренбурге 200 семей казанских татар при условии, чтобы принимались «люди пожиточные и торги производить могущие, отчего б в тамошнем вновь заведенном месте коммерция распространилась»⁴.

Под поселение татарских купцов была отведена земля на правом берегу р. Сакмары, в 20 км от Оренбурга. Селение стало именоваться Сеитовской (или Каргалинской) слободой.

Казанские татары обещали вести торговлю «не малую суммою» и обязались «немалое число пожиточных людей к поселению в Оренбурге приохотить»⁵. Однако переселить сразу 200 семей только зажиточных татар оказалось невозможным, и правительство разрешило принять «между пожиточными не весьма богатых людей, однако же бы торг производить могущих». Учитывалось, что купцы смогут нанимать их в качестве приказчиков и работников, «ибо, — отмечалось в указе, — богатые скудными, а скудные от богатых промышляют»⁶.

Основание Каргалинской (Сеитовской) слободы было связано с именем казанского татарина Сеита Антова, сына Хаялина. Он привел в Оренбург из Казани 200 семей татар и просил отвести для них под поселение земли и угодья по р. Сакмару, от Бердской слободы до р. Верхняя Каргалка. Определением Оренбургской губернской канцелярии от 19 сентября 1744 г. эта просьба была удовлетворена, и в том же году была «застроена торговых татар слобода, называемая Каргалинская»⁷.

Указом сената от 8 августа 1745 г. Сеиту Хаялину была пожалована грамота, которой были определены условия поселения, земельные владения, льготы и привилегии. Указ особо поощрял поселение в слободе «мастеровых и работных людей» из азиатских стран — хивинцев, бухарцев, ташкентцев, и других, предписывая «не токмо им запрещения не чинить, но... рекомендовать, дабы в том... всякое старание прилагали»⁸.

В результате всех этих мер население слободы быстро росло. В 1760 г. здесь насчитывалось 300 дворов — 1158 душ мужского пола⁹. Они составляли более 50% всех «торговых татар» Оренбургской губернии. По «табели» 1767 г. «торговых татар» было 2174, а по ведомости 1770—1771 гг. — 2161 человек¹⁰. По данным ревизионной переписи, в 1796 г. Сеитовская слобода насчитывала 1000 дворов с населением 9468 человек обоего пола¹¹.

Ведя значительную торговлю в Оренбурге, казанские татары ездили торговать и в среднеазиатские города, и вскоре Сеитовская слобода стала крупным торговым центром Оренбургского края, где сформировалась большая группа богатых купцов. Наличие у них крупных денежных сумм позволило вкладывать часть капиталов в производство — были открыты небольшие поташные заводы, крайне примитивные по своему устройству.

Как отмечал К. Маркс, караванная торговля была важным фактором в экономическом развитии тех районов, через которые она проходила, активно способствуя подъему их производительных сил, особенно ремесла, созданию условий для взаимовлияния культур, постепенному разложению старых и возникновению новых общественных отношений¹². И действительно, развитие караванной торговли со среднеазиатскими ханствами способствовало росту производительных сил Оренбургского края.

В 1784 г. заметно выросшую Каргалинскую слободу переименовали в Сеитовский посад, где была учреждена ратуша и введено городское самоуправление¹³. В 1787 г. Сеитовский посад причислили к оренбургскому казачьему войску, назвав станицей Каргалинской. Однако ввиду тяжести несения казачьей службы для местных татар Каргалинская слобода вскоре была переведена в башкирское войско, а с упразднением его впоследствии получила сельскую организацию под названием

⁴ Газ. «Оренбургский листок», 1903 г., 12 октября.

⁵ ПСЗ Российской империи, т. XII, № 8893.

⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 38, оп. 1, д. 454, л. 31—38.

⁷ Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896, с. 80.

⁸ «Оренбургские губернские ведомости», 1870, № 41.

⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 255—256.

¹⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956, док. №№ 353 и 354, с. 10, 12.

¹¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 1324, д. 190, л. 65—70.

¹² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 364—369 и др.

¹³ ПСЗ Российской империи. Т. XX. СПб., 1784, № 16089.

«башкир Сентовской волости», хотя собственно башкиры встречались здесь лишь как исключение.

Основание Сентовского посада сыграло значительную роль в оживлении русско-среднеазиатской торговли. В нем охотно селились также выходцы из Средней Азии — бухарцы, хивинцы, каракалпаки и другие, которые вели обширную торговлю в Оренбурге и иных городах России. В 1804 г. в слободе насчитывалось 20 дворов среднеазиатских поселенцев¹⁴. По данным Сентовской ратуши, в 1805 г. здесь проживало 19 среднеазиатских купцов и 38 членов их семей (в том числе: бухарцев — 15, членов их семей — 34; хивинцев — 3, членов их семей — 3, а также один араб со своей женой)¹⁵. Словом, здесь находили приют все, кто приезжал в Оренбург «с азиатскими товарами из Хивы, Бухары, Ташкени для коммерции с российскими купцами»¹⁶.

Среднеазиатские купцы играли большую роль в развитии внешней торговли России, поэтому оренбургские власти постоянно шли им на уступки, создавая благоприятные условия для торговли в Оренбурге. Например, купец Нигматулла Абдуллажанов обратился от имени среднеазиатских поселенцев Сентовской слободы к правительству с просьбой освободить их дома от военного постоя. Вскоре уфимскому наместнику генерал-губернатору С. К. Вазмитдинову было направлено «высочайшее именное повеление», чтобы «все вышеизъясненные дома, в Сентовском посаде состоящие, от постоя [были] избавлены, следовательно... наряду с прочими тамошними жителями никакой тягости, кроме [как] распространять с российскими купцами коммерцию со взносами следующих по тарифу пошлин, [нести] не обязаны»¹⁷.

Предоставление различных льгот способствовало тому, что среднеазиатские купцы охотно селились в Сентовской слободе не только на временное, но и постоянное жительство. В 1807 г. здесь проживало без принятия русского подданства 10 бухарских купцов и около 10 выходцев из других районов Средней Азии¹⁸. К 1809 г. в слободе проживали: 39 бухарцев и 46 членов их семей; 2 кокандца, 3 ташкентца, 2 хивинца и 8 членов их семей; 1 кашгарец и с ним 3 члена семьи; два араба со своими женами¹⁹.

К началу 1825 г. в слободе проживало 130 семей азиатских подданных, в том числе: бухарцев — 101, хивинцев — 21, ташкентцев — 7 и араб — 1²⁰. В большинстве своем это были купцы, занимавшиеся крупной торговлей в российских городах. В Сентовском посаде они строили дома и обзаводились семьями, вступая в браки с местными татарками. Дети среднеазиатских купцов после смерти родителей записывались в башкирские кантоны²¹. Впоследствии «высочайшим манифестом» о всенародной переписи повелено было «детям бухарцев, женившихся на татарках российского подданства... записываться в подушный оклад с причислением их в оренбургское мещанское общество»²².

Обосновавшись в Сентовской слободе, среднеазиатские купцы нередко использовали местных татар в качестве посредников в торговых операциях, ибо те могли беспрепятственно ездить по городам России, где, согласно указу от 1 декабря 1755 г., азиатским купцам торговать не разрешалось. Разумеется, сентовские татары заключали сделки с азиатскими купцами на выгодных для себя условиях²³.

В Сентовской слободе находили также приют среднеазиатские торговцы, разоренные грабежами и обедневшие. Они нанимались к богатым купцам и выполняли различные работы. Так, бухарский купец Ниязамед Ниязаминов, разоренный грабежами, получил у сентовской полиции билет № 1164 от 2 апреля 1805 г., по которому ему «по бедному состоянию дозволено проживать в Сентовской слободе для снискания через работу у разных людей пропитания»²⁴.

Среднеазиатские купцы, обосновавшись в Сентовской слободе, занимались не только торговлей. Так, при содействии бухарцев были сделаны попытки разведения хлопчатника из семян, привезенных из Бухары. «Дыни нигде не родятся лучше оренбургских, — писал П. И. Рычков, — ежели привозные из Бухарии семена бывают». Выращивались в Оренбурге и бухарские тыквы, «тонкие, но столь длинные, что иногда близ аршина случаются, но семена их, — как мне памятуется, — писал П. И. Рычков, —

¹⁴ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 132/м, л. 1 и 1 об.

¹⁵ Там же, д. 89, л. 4, 4 об и 8.

¹⁶ Там же, д. 132/м, л. 1 и 1 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, оп. 2, д. 2170, л. 4—6.

¹⁹ Там же, оп. 10, д. 443, л. 5—9.

²⁰ Там же, д. 322, л. 239.

²¹ Там же, д. 157, л. 397.

²² Там же, д. 1349, л. 1, 1 об, 13.

²³ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, с. 240.

²⁴ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 190/а, л. 2 и 2 об.

привозные из Бухар, из Хивы и Астрахани». В Оренбурге пытались разводить и виноград, «но успеху в том не последовало, ибо за студенными погодами и заморозками, часто после сильных жаров случающимися, в соответственную зрелость приходит он не мог»²⁵.

В свою очередь, выходцы из Средней Азии приобщались постепенно к хозяйственной и культурной жизни русского народа. В этой связи напомним, что Оренбург был местом ссылки многих представителей передовой русской общественной мысли, а Каргалинская слобода (Сеитовский посад) длительное время была центром пугачевского восстания. В Оренбург были сосланы поэты Шевченко, Плещеев и др.

Как отмечает П. Е. Матвиевский, жители Сеитовской слободы активно участвовали и в Отечественной войне 1812 г. Сеитовская ратуша высылала тогда своих рекрутов в Уфу «со всем одеянием и снабжением и со складочными деньгами»²⁶.

Значительное число бухарцев обосновалось также в Орской крепости. Они скупали здесь товары, поступавшие из Хивы и Бухары, а затем реализовали их в меновой торговле с казаками. Поскольку они не записывались в купеческие гильдии, эта торговля велась тайно, без уплаты торговых пошлин и сборов в казну.

К концу 1816 г. в Орской крепости проживало 9 семей бухарцев, имевших собственные дома, и 12 семей, не имевших своих домов и добывавших пропитание случайными заработками²⁷. Они поддерживали связь со своими соотечественниками, поселившимися в Сеитовской слободе.

Таким образом, Сеитовский посад Оренбурга сыграл большую роль в развитии разносторонних связей России со среднеазиатскими ханствами, имевших важное значение для обеих сторон.

Г. А. Михалева

---

²⁵ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненное в рассуждении Оренбургской губернии.— Труды вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства, ч. VII, СПб., 1767, с. 116—117.

²⁶ Матвиевский П. И. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г.— Ученые записки Чкаловского госпединститута, вып. 17, 1962, с. 90.

²⁷ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1058, л. 7—8.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ли посевные планы, причем многие хозяйства досрочно завершили сев на высоком уровне и приступили к дальнейшей обработке посевов хлопчатника⁴¹.

Самый отстающий в прошлые годы Мирзачульский район благодаря активному шефству рабочих Ленинского района Ташкента вышел по итогам посевной кампании 1933 г. на второе место в республике (после передового, известного тогда всей стране Зеленского района).

Деятельное участие ташкентских рабочих-шефов в успешном проведении весеннего сева было высоко оценено колхозными массами. После завершения сева в подшефных колхозах прошли митинги, на которых дехкане горячо благодарили посланцев за широкую помощь. А на шефствующих предприятиях состоялись профсоюзные собрания, слеты шефов, которые подвели итоги весенней посевной и наметили новые задачи рабочего шефства на период летних полевых работ. С завершением же их в конце августа столь же конкретно были определены задачи участия рабочих-шефов в уборке урожая хлопка-сырца.

В последующие годы шефство рабочих Ташкента, как и других городов УзССР, над колхозным кишлаком получило дальнейшее развитие. Оно во многом способствовало организационно-хозяйственному укреплению колхозов, дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства, социалистическому перевоспитанию трудового дехканства, упрочению ленинского Союза Серпа и Молота — основы силы и могущества Страны Октября.

Г. В. Мачин

---

⁴¹ См.: Правда Востока. 1933. 24 мая; Узбекистанская правда. 1933. 26 и 28 мая.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В нынешнем году исполнилось 175 лет Отечественной войне 1812 г. и ее кульминационному событию — историческому Бородинскому сражению. Хотя основная тяжесть войны с Наполеоном легла на плечи русского народа, в ней принимали участие и другие народы России, а также Казахстана и Средней Азии. О вкладе этих народов впервые рассказал в своих исследованиях оренбургский историк П. Е. Матвиевский¹. Подробно касаясь истории Оренбургского края в период Отечественной войны 1812 г., он приводит много косвенных фактов, свидетельствующих об участии казахов в войнах с Наполеоном.

Не оставались в стороне от происходивших событий и среднеазиатские ханства. Особенно большой интерес вызвали они у местного купечества. Воспользовавшись созданным положением, оно добивалось у русского правительства известных льгот. Считая торговлю с Востоком средством смягчения экономической депрессии в стране, русское правительство шло на уступки и создавало среднеазиатским купцам благоприятные условия. Так, еще в мае 1808 г. была разрешена беспошлинная продажа русской стали в азиатские страны, ранее запрещенная астраханскими и оренбургскими тарифами. Среднеазиатские купцы на всех сибирских и юго-восточных рынках были избавлены от весьма стеснительного предварительного «свидетельства и осмотра товаров» таможенными².

Бухарские купцы настолько развили свои торговые операции с Россией, что сделали, как выражалось оренбургское таможенное начальство, «большими капиталистами»³. Они торговали не только в пограничных районах, но и в центральных городах России.

Торговля со среднеазиатскими ханствами в период войн с Наполеоном была весьма необходима России, ибо умножала ее экономические ресурсы, а вместе с тем способствовала сближению среднеазиатских народов с русским. И русское правительство старалось тогда ничем не обострять свои отношения со среднеазиатскими ханствами.

Напряженное внутривосточное положение и ситуация, сложившаяся в связи с экспансией Наполеона, а также войнами России с Персией и Турцией, возбудили у бухарского эмира Хайдара «неизмеримо большой интерес к европейским делам»⁴. Он направляет в Россию одно посольство за другим, добиваясь утверждения дру-

---

¹ Матвиевский П. Е. Россия и среднеазиатские народы в годы войн с Наполеоном//Ученые записки Чкаловского госпединститута им. Чкалова. Вып. 8. Оренбург, 1956. С. 99—139; Его же. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: Исторические очерки//Ученые записки Оренбургского госпединститута. Вып. 17. Оренбург, 1962.

² Матвиевский П. Е. Россия и среднеазиатские народы... С. 123—124.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 9—12.

⁴ Матвиевский П. Е. Россия и среднеазиатские народы... С. 107.

жественных отношений и прежде всего «установления постоянных торговых консульств со стороны России»⁵.

Русское правительство также всячески стремилось оживить торговлю на юго-востоке, особенно через Оренбург, чтобы ослабить те трудности, которые были вызваны наполеоновской континентальной блокадой. В этих условиях председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу казалось «неоспоримой истиной», что «Оренбург может сделаться важнейшим торговым городом Российской империи»⁶.

Об интенсивном росте русско-среднеазиатской торговли свидетельствуют, в частности, «Замечания об азиатской торговле» в период войн с Наполеоном, составленные в 1815 г. директором Троицкой пограничной таможни М. С. Чекаловым. По его словам, внешнюю торговлю России со среднеазиатскими ханствами особенно поддерживали бухарские купцы, среди которых выделялся своим богатством Галибай Кушалов, торговавший с Россией в течение 20 лет. Он состоял в первой гильдии московского купечества и содержал в Москве большой магазин. Накануне наступления Наполеона он имел в Троицке два магазина со среднеазиатскими и российскими товарами. Его торговый капитал достигал почти миллиона рублей⁷.

Среднеазиатские купцы вывозили свои товары не только на Макарьевскую, Ирбитскую и Коренную ярмарки, но торговали и в самой Москве. Когда она была занята французами, у них в плену оказались и некоторые среднеазиатские купцы, а их товары были разграблены, как докладывал правительству М. С. Чекалов в донесении от 16 июля 1817 г.⁸

В то время, когда европейская торговля России была подорвана континентальной блокадой и войнами Наполеона, объем внешней торговли на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях более чем удвоился, составив по ввозу товаров в 1812—1815 гг. 4 999 865 руб. против 2 071 964 руб. в 1804—1807 гг., а по вывозу — соответственно 3 852 881 и 987 974 руб.⁹

По мнению М. С. Чекалова, при обеспечении свободного прохода купеческих караванов через казахские степи общий оборот только русско-среднеазиатской торговли мог бы превышать ежегодно 10 млн. руб.¹⁰

После заключения Тильзитского мирного договора, по которому Россия присоединилась к системе континентальной блокады, среднеазиатские купцы получили возможность торговать не только в пограничных городах, но и в Центре России.

В период Отечественной войны 1812 г. наиболее активное участие в расширении торговли России на юго-востоке принимали те среднеазиатские купцы, которые обосновались в Оренбурге и татарской Сеитовской слободе, находившейся в 18 верстах от Оренбурга, в сел. Каргала. По данным ревизии, проведенной Оренбургской казенной палатой на 6 августа 1808 г., в Оренбургской губернии насчитывалось 75 выходцев из Средней Азии, в том числе: бухарцев — 57 (членов их семей — 50), хивинцев — 9 (членов их семей — 8), ташкентцев — 4, кокандцев — 2, два араба с женами и 1 кашгарец с семьей в 3 человека. В самой Сеитовской слободе проживало 9 бухарцев и 27 членов их семей¹¹.

Во время Отечественной войны 1812 г. жители Сеитовской слободы высылали в Уфу своих рекрутов «со всем одеянием и снабжением и со складочными деньгами»¹². В снабжении русской армии одеждой и деньгами участвовали и выходцы из Средней Азии; они также высылали рекрутов, которые принимали непосредственное участие в военных действиях.

В Государственном архиве Оренбургской области обнаружен документ, свидетельствующий о непосредственном участии среднеазиатского жителя в Отечественной войне 1812 г. Это был «дворянин бухарского владения» Миргалаутдин Аминов, определенный урядником в Симферопольский конно-татарский полк, возглавляемый М. И. Голенищевым-Кутузовым¹³.

На русскую службу М. Аминов поступил, приняв российское подданство. До этого он неоднократно бывал в России в качестве бухарского посланника, а также вел торговлю российскими товарами в Средней Азии. Последний раз в качестве посланника эмира бухарского он ездил в Россию в 1803 г. После окончания переговоров с русским правительством он благополучно провез свои товары через Астраханский порт, однако в Бухаре по приказу эмира Хайдара был ограблен везирем Хаким-бием, который арестовал его якобы за измену родине. Вскоре из-за отсутствия улик М. Аминов был освобожден из тюрьмы. Но оскорбленный поступками бухар-

⁵ Там же. С. 119.

⁶ ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 4 в, л. 165.

⁷ Там же, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 9—11.

⁸ Там же, л. 13 об.

⁹ Матвиевский П. Е. Оренбургский край... С. 54.

¹⁰ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 10 об.

¹¹ Там же, д. 443, л. 25—31.

¹² Матвиевский П. Е. Оренбургский край... С. 90.

¹³ ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 730, л. 1.

ских властей, он покинул Бухару и принял решение поступить на службу в русскую армию¹⁴.

Как видим, Средняя Азия так или иначе оказалась вовлеченной в события 1812 г. Торговые связи с нею, получившие в этот период дальнейшее развитие, отвечали интересам России. А среднеазиатские жители, обосновавшиеся в районе Оренбурга, внесли не только свой вклад в снабжение русской армии одеждой, провиантом и деньгами, но и посылали рекрутов, принявших непосредственное участие в Отечественной войне 1812 г.

Г. А. Михалева

¹⁴ Там же, д. 171 а, л. 1.

К ИСТОРИИ БУМАЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭПОХИ

История развития бумажного производства в Средней Азии в период феодализма охватывает многие столетия. На его пути были взлеты и падения, время относительного расцвета и периоды, когда оно переживало глубокую депрессию.

Наибольшей известностью в Средней Азии пользовалась самаркандская бумага. На протяжении всего средневековья она отличалась рядом только ей присущих свойств. Как считали поэты, каллиграфы и другие представители культурного мира той эпохи, она обладала высокими качествами, и ее широко использовали при составлении рукописных книг. На самаркандской бумаге написаны многие дошедшие до нас сочинения XV—XVII вв.¹

О высоком качестве самаркандской бумаги говорил прославленный каллиграф Султан Али Мешхеда:

«...Как хороша самаркандская бумага!
Если ты разумный человек, не отвергай ее:
Письмо на ней получается ровным и красивым»².

Захириддин Бабур писал: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда»³. Много лет спустя отличное качество самаркандской бумаги отметил А. Вамбери, посетивший Среднюю Азию в 1863 г. «Бумага, приготовляемая в Бухаре и в Самарканде,— писал он,— пользуется по всему Туркестану и в смежных с ним странах высокой славой»⁴.

В. Л. Вяткин отмечал: «Самарканд славился... производством бумаги, которая отсюда вывозилась в разные страны в большом количестве»⁵.

О высоких качествах и большом спросе на самаркандскую бумагу не только в Мавераннахре, но и за его пределами подробно говорится в работе Р. Г. Мукминовой⁶.

Однако со временем производство самаркандской бумаги значительно сократилось, особенно в XVIII—XIX вв., когда бумажное дело там стало клониться к упадку. Бумага рукописей, составленных в указанные века, не выдерживает сравнения с бумагой предшествующей поры. Как отмечал А. А. Семенов, она отличалась уже не такой добротностью, «была не такой элегантною по техническому исполнению, в ней отсутствовал общий теплый тон и чудесный глянec, присущий старинной бумаге»⁷.

Причин депрессии бумажного производства было много. В их числе: опустошительные войны, мятежи, феодальные междоусобицы, набеги кочевников на культурные оазисы и т. п. Уцелевшие в эти смутные времена мастера-бумагоделы вынуждены были переселяться в другие места. «...И этим невольным эмигрантам — бумажным мастерам было обьязано возникновение производства писчей бумаги в го-

¹ См.: Собрание восточных рукописей (СВР) ИВ АН УзССР. Т. 6. Ташкент, 1968. № 4400, 4453, 5625 и др.

² Костыгова Г. И. Трактат по каллиграфии Султан Али Мешхеда//Труды Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина. II (V). Л., 1957. С. 131.

³ Бабур-намэ. Ташкент, 1958. С. 62.

⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии... М., 1867. С. 211.

⁵ Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского воялята//Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902. С. 22.

⁶ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и в Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976. С. 103.

⁷ Семенов А. А. О среднеазиатской бумаге: Рукопись, хранящаяся в доме-музее А. А. Семенова в Душанбе. Ташкент, 1943. С. 7.